

Что перевод системе? Что ему она?

СЕРГЕЙ ТЮЛЕНЕВ

*Молодым славистам
и историкам России*

ПЕРЕВОД — это передача текста на одном языке средствами другого языка. Но не только. Перевод — это перенос явлений одной культуры в другую. Но и это не все. Перевод — это еще и важный социальный фактор, несущий на себе печать места, времени, условий своего создания и влияющий на эти место, время и условия; иными словами, перевод — это социальный акт.

Предыдущий абзац представляет собой, если угодно, очень краткую историю переводоведения, молодого, но динамично развивающегося научного направления, — три фазы его развития. На генеалогическом древе гуманитарных наук переводоведение все еще порой по инерции видится исключительно как отрасль филологии — литературоведения и /или прикладной лингвистики. Однако появление обширной специальной литературы, кафедр, отделений и даже факультетов теории и практики перевода, а, соответственно, и дипломированных специалистов-переводчиков, утверждение перевода как профессии, которой не может заниматься без специальной подготовки даже филолог, свидетельствуют о том, что перевод в современном обществе все более и более эмансипируется и становится — в терминах теории немецкого социолога Никласа Лумана — социально-функциональной системой¹.

1. *Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Fr. a. M.: Suhrkamp, 1997; Tyulenev S. Applying Luhmann to Translation Studies: Translation in Society. NY; London: Routledge, 2011.*

1. СИСТЕМА РАВНО НЕРАВНЫХ ФУНКЦИЙ

Согласно лумановской теории социальных систем (ТСС), современное общество — это общество, организованное функционально. Ростки такой организации прослеживаются Луманом с эпохи европейского средневековья, но особенно активно кристаллизация социально-функциональных механизмов происходит в эпоху индустриальной революции и Просвещения. В этот исторический период на смену стратификации европейского общества по оси «центр — периферия» и иерархизации по сословному принципу приходит такая структуризация общества, когда отдельные социальные функции, например, юриспруденция (и с ней вся судебная система), экономика, политика, религия, образование, искусство и т. д., обособляются в структуры, подсистемы, замкнутые типом операций, которые в них возможны и которые их определяют. Единственное, что объединяет всех их в единую структуру, — это равенство их неравенства: они равны только в том, что каждая из них равно независима от других, не равна другим в том, как делит социальные явления на «свои» и «чужие» и как оперирует своими элементами.

Каждая функциональная подсистема² характеризуется операционной замкнутостью и тем, что Луман, заимствуя термин из биологии, называет аутопойесисом. Слово «аутопойесис» образовано от двух древнегреческих корней, означающих «сам(о-)» и «творить», и указывает на способность социальных (под)систем самовоспроизводиться, оперируя в настоящем по примеру своих прошлых операций и предвидя подобные операции в будущем. Иными словами, выделение функциональных подсистем общества в новой истории проявляется в их аутопойетическом обособлении от других функциональных систем, их эмансипации. Это не означает, что они не взаимодействуют, однако их взаимодействие — опосредованное: ни одна из функциональных (под)систем не может изменить аутопойетических свойств другой. Как бы ни сильна была политическая подсистема, она не может полностью подчинить себе экономику или право, искусство или религию, которые все-таки будут продолжать функционировать согласно своим операционным законам; и политическая подсистема должна будет учитывать эти последние, не смотря на свое кажущееся всесилие.

2. Функции являются подсистемами по отношению ко всей социальной системе, к которой относятся, но системами по отношению друг к другу, поэтому в дальнейшем, когда подразумевается возможность и той, и другой соотнесенности, будет использоваться написание «(под)система».

В России общественное устройство структурируется в опоре на функциональность параллельно тому, как складывается приказное устройство административно-государственного аппарата в XVI–XVII веках. Приказы специализировались на определенных аспектах жизнедеятельности Московского государства. Коллегии Сената в петровские времена сменяют приказы и позже разовьются в министерства. Было бы неверно называть приказы, коллегии или министерства функциональными (под)системами, поскольку последние являются гораздо более широкими понятиями и включают в себя весь спектр социальных актов, соответствующих той или иной функции, но внутри приказов, коллегий и министерств, несомненно, выкристаллизовались операционно-регулятивные механизмы функционального систематизма³.

2. ПЕРЕВОД КАК СОЦИАЛЬНО- ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА

Перевод — одна из функциональных подсистем социальной системы Московии/Московской Руси/России. Начав складываться примерно с XVI в., корнями она уходит глубже, в средневековую российскую историю, когда переводчики и толмачи впервые начинают фигурировать в исторических документах и перевод становится социально «видимым».

Так, в качестве переводчика предстает перед нами Стефан Пермский: «В лето 6904 [1396 год] <...> изучися Греческу языку и грамоте, та же научися Пермьскому языку и азбуквы сложи Пермьским языком и книги переведе на Пермьский языкъ»⁴. Здесь переводчиком выступает дьякон-миссионер, который впоследствии становится епископом в Перми.

В летописных записях о событиях XV века, однако, уже появляются и упоминания переводчиков (толмачей) без ссылок на другие виды их (возможной) деятельности. Так, под 1493 годом в Московском летописном своде конца XV века находим упоминание об одном таком толмаче: «Тое же зимы, ген[варя],

3. Неслучайно Юрген Хабермас, заимствуя концепцию системы у Лумана (споря, впрочем, с ним в других вопросах), связывает с системами ту часть социума, которая своей системной формализацией социальных актов противостоит жизненному миру («жизнемиру», *Lebenswelt*), настроенному на консенсус и социальное сотрудничество (*Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason/T. McCarthy (Trans.). Boston: Beacon Press, 1989 [1981]*).
4. Полное собрание русских летописей (далее — ПСЛР). Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 226. Л. 316 об.

казнилъ князь великий княз[я] Иван[а] Лукомского да Матиаса Ляха, толмача Лат[ын]ского»⁵. При описании Ферраро-Флорентийского собора также, пусть и лишь мимоходом, упоминается работа толмачей: «[участники собора] начнут глаголати и толмачи от них глаголатъ, глаголюще трети языки, Гречьскы, Фрязскы и философскы»⁶.

Заметим, что в лице Стефана Пермского мы обнаруживаем крайне распространенный пример церковного служителя, занимающегося переводом⁷. Из других свидетельств о Ферраро-Флорентийском соборе мы знаем, что там переводили (и письменно и устно — в Московском летописном своде упоминается лишь устный перевод: «толмачи <...> глаголатъ»), так сказать, по совместительству и служители церкви, которые, кроме того, участвовали в дискуссиях и выполняли другие функции. Так, Амброджио Траверсари, Кристофоро Гаратони, Андрей Родосский Хрисоберг переводили, но это не было тем, что мы назвали бы их профессией, скорее, это был лишь временный вид деятельности⁸. Положение здесь близко к случаю Стефана Пермского. Что же касается толмача «ляха» Матиаса, то трудно сказать, зарабатывал ли он переводом на жизнь или это тоже было лишь одно из его занятий. В летописи он назван толмачом, поскольку, видимо, такова была его роль в конкретном преступлении — соучастии в действиях, направленных против великого князя, за что переводчик и поплатился жизнью.

Упоминания перевода почти случайны: перевод Стефана Пермского оказался значительным событием (но сколько других переводчиков-монахов в летописи не попали!); толмачи на Ферраро-Флорентийском соборе упомянуты, поскольку были замечены одним из участников русской миссии, по отчету о поездке которого летописец и составил свое повествование; Матиас оказался одним из «проходивших по делу» осужденных.

Случайный характер таких прямых упоминаний перевода особенно бросается в глаза на фоне других многочисленных событий — фиксировавшихся летописцем международных сношений Руси, в которых перевод явно имел место, но оказывался «невидимым» как прозрачное стекло, через которое стороны словно бы смотрели друг на друга. Так, например, в 1405 году переговоры между Витовтом Кейстутовичем, великим князем Литов-

5. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. С. 211. Л. 295; Ср.: Там же. С. 238.

6. ПСРЛ. Т. 25. С. 254. Л. 354 об., 355.

7. Ср.: *Исаченко Т. А.* Переводная московская книжность XV–XVII веков. М.: Пашков дом, 2009.

8. См. подробнее в: *Gill J. S. J.* The Council of Florence. Cambridge: Cambridge University Press, 1961. P. 106, 141, 148–149, 164–165, 169, 176.

ским, и Ягайлом-Владиславом Ольгердовичем, великим князем Литовским и королем Польским, с участием Киевского митрополита Киприана в городе Милолюбое не упоминают переводческого посредничества⁹. Мирные переговоры между Новгородом и ливонцами в 1420 году описываются с упоминанием послов (Гостило, Тимофей, Еремей) от ливонского магистра Силивестра к князю Константину Дмитриевичу и с упоминанием послов князя к «немцам» («великого князя наместника князя Федора Патрекеевича и <...> боарина Андрея Костянтиновича и посадников Новгородских»), но без всякого упоминания перевода¹⁰.

В описании пути Софьи Палеолог в Россию перевод не упоминается, хотя и она сама, и сопровождавший ее легат Антоний, и свита явно нуждались в переводе во время многочисленных контактов с властями встреченных городов и в Москве. Скорее всего, посредником-переводчиком был один из сопровождавших Софью и осевший в России итальянец Иван Фрязин (Волп). Вероятно, при этом Фрязин выступал от лица папской миссии, так как ранее, в 1469 году, был послан за Софьей именно потому, что был итальянцем, не утратившим связей с родиной¹¹. Когда в 1472 году к великому князю явился посол венецианский Тривизан, в Москве он первым делом направился к Ивану Фрязину: «Тривизан пришел на Москву и первое прииде к Ивану Фрязину к денежнику Московскому, понеже бо тои Иван Фрязин Волп тамошние земли рожением и знаем тамо»¹².

Юрий Грек Траханиот, похоже, тоже выполнял переводческо-посреднические обязанности, например, когда в 1487 году сопровождал посла «от короля Римского Максимиана Фердирикова сына цесарева, именем Юрьи Делатор», а в миссии участвовал также дьяк Василий Кулешин¹³. В следующей миссии с русской стороны участвуют «Михаил Кляпик Яропкын да Иван Волк Курицын», но остаются Юрий Делатор, посол Максимиана, и Юрий Грек «Тарханиот»¹⁴. Таким образом, состав русской миссии меняется, но Юрий Траханиот оказывается незаменимым — скорее всего, потому что мог служить посредником-переводчиком. О том, что Иван Фрязин и Юрий Траханиот выполняли переводческие обязанности, мы, тем не менее, можем лишь догадываться. Скорее всего, как видно из описанного летописцем поведения Ивана Фязина, который мог высказывать свое

9. ПСРЛ. Т. 25. С. 233. Л. 326 об.

10. Там же. С. 245. Л. 341 об., 342.

11. Там же. С. 281, 296, 299.

12. Там же. С. 292. Л. 409.

13. Там же. С. 331. Л. 469; 332. Л. 471, 471 об.

14. Там же. С. 333. Л. 472 об.

мнение о том, как — с католическим крестом или без — папскому легату Антонию входить в Москву, его роль не сводилась к исключительно переводческой¹⁵. Вполне вероятно, что это справедливо и в отношении Юрия Траханиота. Перевод еще явно не выделился в особую функцию-профессию.

Механизм вынесения летописцами перевода за скобки становится понятен, когда мы сравниваем более поздние записи с непосредственными отчетами о дипломатических миссиях русских послов. Для летописца, как, скажем, для историка, политолога или журналиста, пишущего о какой-либо встрече на высшем уровне сегодня, важно лишь событие, а перевод — всего лишь одна из обслуживающих функций. Так, в Хронографе ленинградского списка Никаноровской летописи под летом 7075 (1567) читаем о том, как государь и великий князь Иван Васильевич рассылает послов в западноевропейские страны¹⁶. Участие в этих миссиях переводчиков не упоминается — оно выходит из тени лишь в непосредственных отчетах о таких миссиях — в статейных списках. Там переводчики/толмачи не только упоминаются, как ранее в отчете о Ферраро-Флорентийском соборе, но и называются по именам. Нередки такие записи: «Июля в 30 были у послов от короля Иван Лаврентиев [Hans Larsson, шведский дипломат] да дьяки мастер Мортин, да Ганш Ириков, да *Пантелей Юрьев в толмачех*»¹⁷ (курсив мой. — С. Т.). Или: «Августа в 19 сказал послом, Ивану Махайловичю с товарищи, *Нечай толмач*»¹⁸ (курсив мой. — С. Т.). Здесь перед нами подробная фиксация фактов для отчета о миссии и описание того, кто из ее участников, в том числе и переводчики/толмачи, что делал, приобретает юридический характер¹⁹. Итак, с расширением дипломатических сношений Руси на наших глазах происходит и функциональное расслоение видения (фиксации) ролей участников: дипломат делает свое дело, а переводчик/толмач — свое, и эти функции не ассоциируются с одним лицом, как в случае с Иваном Фрязиным или Юрием Траханиотом.

15. Там же. С. 299. Л. 419.

16. ПСРЛ. Т. 27. С. 143.

17. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 12.

18. Там же. С. 16.

19. В частности, чтобы предотвратить случаи, о которых читаем у Григория Котошихина читаем: «И ненаучением своим <послы Российского государства> говорят многие речи к противности, или скоростию своею к подвижности, а потом в тех своих словах временем запрутся и превращают на иные мысли; а что они каких слов говоря, запираются, и тое вину возлагают на переводчиков, бутто изменю толмачат» (*Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4 изд. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1906 [1666–1667]. С. 53*).

В важном памятнике XVII века, в описании Григория Котошихина государственно-административных органов Руси времен царствования Алексея Михайловича, мы находим ясное свидетельство обособления перевода как особой функции в госаппарате. Переводчики и толмачи состоят при Посольском приказе. Они переводят письменно и устно с латинского, шведского, немецкого, греческого, польского, татарского «и иных языков»; при этом Котошихин указывает, что переводчиков было «с 50 человек, толмачей с 70 человек»²⁰. Мы узнаём, что переводчики и толмачи за свои услуги получают годовое царское жалование: «переводчиком рублей по 100 и по 80 и по 60 и по 50, смотря по человеку; толмачем рублей по 40 и по 30 и по 20 и по 15 и менши, смотря по человеку; да поденного корму: переводчиком по полтине и по 15 алтын и по четыре гривны и по 10 алтын и по 2 гривны на день, смотря по человеку; толмачем по 2 гривны и по 10 алтын и по 4 и по 3 и по 2 алтына, и по 10 денег на день человеку, смотря по человеку ж, помесечно»²¹. Таким образом, перевод предстает перед нами как уже вполне оформившийся вид профессиональной деятельности.

Сначала использовались в основном «природные» носители тех или иных языков, которые, живя в разных местах, выучили другие языки, и не всегда на достаточно высоком уровне; к XVIII веку знание языков уже проверяется на специальных экзаменах. Приведем примеры.

Об одном «природном» носителе языка, который освоил другие языки, читаем в летописи: «В лето 6979 [1471] Король Казимер послал в Болшую Орду ко царю Ахмуту татарина Кирия Кривого. А тот Кирей бежал ко королю от великого князя Ивана; и холоп великого князя купленои, а купил еще деда Киреева Мисуря князь великии Василеи Дмитриевич оу своего тьстя, великого князя Витовта, и оу того Мисури был сынъ Амурадтъ, тот Кирей Амурата того сынъ»²². Татарин Кирий Кривой являет собой пример человека, который, скорее всего, мог изъясняться по крайней мере по-татарски и по-русски, будучи живущим в России татаринком. Возможно, он знал также и другие языки, например, польский и/или литовский. В данном случае важно не то, что Кирий Кривой, может быть, никогда не выступал в роли переводчика; важно, что перед нами человек, живший среди разных народов и овладевавший иностранными языками. Некоторые из таких людей и были первыми переводчиками.

20. Котошихин Г. Указ. соч.. С. 86.

21. Там же. С. 96–97.

22. ПСЛР. Т. 27. С. 128.

Другое дело, когда языками овладевают специально, чтобы переводить. Из одного из указаний Петра мы узнаем, что он знал необходимость подготовки переводчиков, особенно таких, которые знают и языки оригинала, и русский, и предмет повествования. На подготовке именно таких переводчиков он настаивал: тех, кто не знал иностранные языки было велено обучать им, тех же, кто знал языки, но не имел необходимых для перевода специальных знаний в той или иной области, в которой была острая нужда в петровскую эпоху европеизации, следовало учить этим специальным предметам²³. Поэтому-то поступающим на переводческую службу в Посольский приказ устраивались экзамены. Так, переводчик Посольского приказа М. И. Арсеньев вспоминал: «И пришел в приказ, переводчик Николай Спафарей мене свидетельствовал в языках. Потом дали мне грамоту венецкую по итальянски перевести, заперли в казенку и я перевел исправно»²⁴.

Переводчики и толмачи изначально относились к Казенному приказу, а со времени основания Посольского приказа (Посольской избы) в 1549 году состояли при нем²⁵. Но в петровскую эпоху перевод переходит ведомственные границы и функционирует как более универсальный механизм, обеспечивающий общение России с иностранными государствами. Во вновь образованном Сенате переводчики представлены почти во всех коллегиях. В своем статистическом описании постпетровской России «Цветущее состояние Всероссийского государства», написанном в 1727 году, так сказать, по горячим следам петровских преобразований, Иван Кирилов сообщает, что в коллегиях Сената служили по одному или по два переводчика. Из двадцати четырех подразделений Сената в четырнадцать переводчики состояли в штате. В Коллегии иностранных дел их, конечно, было больше: 20 переводчиков и 6 толмачей.

Переводчики входили в правительственно-административные структуры и вне столицы. Например, в Ревеле и Риге переводчики числились среди госслужащих. В Риге, кроме того, было два переводчика в экономическом департаменте и один — в суде²⁶. Переводчики нужны были и в специальных учрежде-

23. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 139.

24. Цит. по: *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 99–100.

25. *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. С. 7; *Котошихин Г.* Указ. соч.

26. *Кирилов И.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977 [1831]. С. 72, 78.

ниях. В Кронштадте переводчик работал на таможне²⁷. Переводчики и толмачи помогали строителям и архитекторам, посредничая во франко-, немецко- и голландско-русском общении²⁸. Переводчики трудились в военных структурах и, например, в Нарве при лютеранской церкви²⁹.

В Академии наук тоже велась активнейшая переводческая работа. В Регламенте Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге читаем: «Всяк Академик иметь должен при себе Адъюнкта, который должность иметь помощника Академику <...>. Адъюнкт должен в делах до наук касающихся у своего Академика и Переводчиком служить»³⁰. Научные труды, подготовленные в течение года, должны были публиковаться в оригинале и в русском переводе³¹. Переводчик числится при канцелярии академии; еще два — при библиотеке³².

Уже этих примеров достаточно, чтобы увидеть выход перевода за пределы одного ведомства и, в терминах лумановской теории социальных систем, выделение перевода в самостоятельную социально-функциональную подсистему, без которой вся система уже не может взаимодействовать с внешним окружением. Подсистема перевода стала более сложной, потому что система в целом открылась для более активных международных сношений. Таким образом, система способствует самоорганизации подсистемы перевода, а подсистема помогает системе эволюционировать благодаря ее новым отношениям с внешним миром.

Как любая функциональная подсистема, перевод фокусируется на определенной социальной проблеме — межсистемном взаимодействии, а выработка способов решения этой проблемы и становится функцией перевода. Системная функционализация перевода в России обретает строгие очертания в первой четверти XVIII века. В 1720 году в главе XXXI Генерального регламента коллегий Сената специально прописываются обязанности переводчика: он должен переводить точно и ясно, от него требуется хорошее знание иностранных языков и быстрота в работе. Если переводчик не переводил своевременно и с должным качеством, его могли оштрафовать³³. Таким обра-

27. Кирилов И. Указ. соч.. С. 55.

28. Там же. С. 61.

29. Там же. С. 65.

30. *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. T. 1 ad Annum MDCCXLVII et MDCCXLVIII. Petropoli: Typis Acadmiae Scientiarum, 1750. P. 17–18.

31. *Ibid.* P. 25.

32. *Ibid.* P. 33–34.

33. Законодательные акты Петра I/Под ред. К. А. Софроненко. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. С. 91.

зом, обязанности переводчика приобретают профессиональный характер, и если раньше перевод был деятельностью, которую совмещали с другими (основными) занятиями, то теперь перевод — это профессия.

Все это, конечно, не означает, что перевода как деятельности не существовало, скажем, во второй половине XVIII века. На протяжении всего XIX и XX веков будет процветать любительский перевод, который, помимо всего прочего, будет одной из немногих возможностей для женщин заниматься социально значимой, выходящей за узкосемейные рамки деятельностью³⁴. Однако камень в фундамент здания перевода как эмансипирующей функциональной подсистемы социальной системы в России уже был положен. Наряду с подсистемами политики, религии, искусства, образования, юриспруденции и т. п., Россия как социальная система обрела подсистему перевода.

3. ТРИ ОСИ ПЕРЕВОДА

Оформление перевода в профессию и его социально-функциональная эмансипация в России к XVIII веку не случайны. Как известно, к этому времени активизация международных сношений России в контексте общегосударственной программы модернизации Петра I достигает очень высокого уровня. Это заставило Россию как социальную систему обратить пристальное внимание на те свои внутренние структурные образования, которые Луман называет «пограничными феноменами»³⁵. Пограничные структуры повышают чувствительность системы к тому, что происходит в окружающем ее мире, при этом они частично открывают систему для последнего, а частично закрывают, фильтруя входящую (и исходящую) информацию. Перевод может быть описан как один из таких социально-системных феноменов. Он активно участвует в отборе того, что может оказаться полезным для системы, при этом как бы редактирует входящие и исходящие тексты (в широком семиотическом смысле — не только вербальные) или их элементы. Как же перевод в качестве системно-пограничного явления участвовал в модернизации России? Перевод действовал по трем осям: (1) изменял внутренний состав системы (ось «окружаю-

34. *Tyulenev S. Women-Translators in Russia// MonTI. Woman and Translation: Geographies, Voices and Identities/J. Santaemilia, L. von Flotow (Eds.). 2011. № 3. P. 75–105.*

35. *Luhmann N. Op. cit. S. 76; Idem. Social systems/J. Bednarz Jr., D. Baecker (Trans.). Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. P. 197.*

щий мир — перевод — система»); (2) изменял окружающий мир в том, как этот мир относился к системе (ось «система — перевод — окружающий мир»); (3) наконец, содействовал начинавшейся в Европе функционально-системной глобализации (ось «система — перевод — окружающий мир — глобальная система»).

3.1. ПЕРЕВОД — СИСТЕМЕ

3.1.1. Пионеры и последователи

Прежде всего, следует подчеркнуть, что то, что можно назвать модернизацией России в петровскую и постпетровскую эпохи, воспринималось как европеизация. Россия выбирает путь следования за наиболее передовыми для того времени странами Европы, перенимая у них накопленные знания, технологии, культурно-эстетические нормы — учась у них. Вспомним, как в «Полтаве» Пушкин выразил эту программу в тосте Петра «за учителей своих». Петр избирает наиболее экономный способ модернизации России — европеизацию посредством перевода (при этом под переводом имеется в виду не только вербальный перенос, но и перенос культурных явлений, технологий и т. п.).

В развернувшемся процессе модернизации были государства, которые вступили на этот путь первыми (пионеры), и те, кто включился позднее (последователи). Пионеры путем проб и ошибок достигают определенных успехов, предоставляя тем самым последователям определенное преимущество: им уже не нужно снова изобретать велосипед, они могут просто воспользоваться открытиями пионеров³⁶. К этому варианту и прибег Петр³⁷.

Так, правительство Петра рассматривало возможности торговли с восточными странами по примеру Англии, Испании, Португалии, Нидерландов и Франции. Но для этого прежде всего требовались подробные географические описания и карты. Очевидной выгодой для решения этой задачи оборачивались переводы географических трудов западноевропейских ученых, в частности, Бернгарда Варения и Йоганна Гюбнера, которые были призваны стать примером для россиян³⁸. Переводятся книги и из других областей знания. Петр буквально держит руку на пульсе процесса перевода технической и военно-технической литературы. При-

36. Levy Jr. J. M. *Modernization: Latecomers and Survivors*. NY; London: Basic Books, 1972. P. 12–13.

37. Петр не был ни первым, ни последним, кто предпринял перенос западноевропейских идей на российскую почву. Но в период его правления этот процесс впервые в российской истории (Киевская Русь не в счет!) был развернут с таким размахом и в таком масштабе.

38. Кирилов И. Указ. соч. С. 17.

мером служит его корреспонденция с А. Головкиным, который переводит книгу Штурма по военной архитектуре³⁹.

Примеры можно множить, но и приведенные достаточно ясно показывают, что перевод западноевропейских публикаций, среди всех прочих видов переноса, расценивался Петром как ключевой элемент его программы модернизации России по образцу наиболее передовых европейских держав. Подсистема перевода, соответственно, приобретала очень важное значение для всей социальной системы России, поскольку позволяла ей быстро и эффективно учиться у пионеров и тем самым быстрее достигать желаемых результатов. Перевод был *conditio sine qua non* модернизации (=европеизации) России.

3.1.2. Учитель становится учеником

Еще раз подчеркнем, перевод не сводился только к вербальной своей форме. На российскую почву активно переносились или, можно сказать, переводились новые идеи, технологии, новые эстетические и этические нормы. Перевод влиял на целый ряд внутренних характеристик системы, но, пожалуй, самым важным было общее изменение социального дискурса — того, что определяло приоритеты системы. До полномасштабного развертывания реформ по западноевропейским образцам Русь видела себя «третьим Римом», той самой церковью и тем самым государством, в которых небеса на земле уже стали действительностью⁴⁰, и поэтому настаивала на своей самодостаточности как преемницы православных традиций Константинополя — «второго Рима». Теперь же Россия осознала необходимость впитывать лучшие достижения мировой науки и техники. Сам Петр охотно учился еще с юности в Немецкой слободе, а после — во время Великого Посольства (1797–1798) и в зрелые годы. Наиболее выдающийся из идеологов петровских реформ Феофан Прокопович утверждал, что нет ничего постыдного в изучении всего того, что лучше в других державах, если это служит ко благу России. Позже самая верная продолжательница петровской европеизации России Екатерина Великая почитала за честь числиться ученицей просветителей — Дидро, Вольтера, Гримма.

Целью Петра был вывод России на европейскую политическую арену, что, однако, оказывалось невозможным без повышения уровня образования и развития искусств. Поэтому (на-

39. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 9. № 1. С. 11; Т. 8. № 1. С. 375; Т. 8. № 2. С. 1057.

40. *Tschizewskij D. Russian Intellectual History*/J. C. Osborne (Trans.). Ann Arbor, Michigan: Ardis, 1978 [1959]. P. 124.

пример, в одном из своих указов в 1702 г.) Петр говорит о необходимости внести для блага державы определенные изменения прежде всего в вопросе доступа его подданных к образованию. Образовательные реформы пошли по четырем направлениям⁴¹. (1) Появились математические и навигационные школы. Тон в них изначально задавали приглашенные иностранные учителя. Петр уводит российское образование с грекоправославной религиозной орбиты в сторону все более распространенной в Европе системы общегуманитарного образования (*Humanitait*). Одновременно Петркратно увеличивает число россиян, обучающихся за границей⁴². (2) Активно переводятся учебные и лексикографические пособия, а также другая образовательная и просветительская литература. Петр начинает процесс, который продолжают его коронованные (Екатерина Великая) и некоронованные (Тредьяковский, Кантемир, Ломоносов) последователи. (3) В 1703 г. Петр основывает «Ведомости», газету, полное название которой утверждает ее просветительское назначение: «Ведомости о военных и иных делах достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах». В отличие от предшествующих «Курантов», появление которых объяснялось прежде всего «потребностью государства во внешнеполитической информации»⁴³, а основной аудиторией мыслились исключительно высшие круги государственно-административного аппарата, «Ведомости» адресовались более широкой читательской публике. Газета легла в основание российской подсистемы массовой информации, составленной из многочисленных периодических изданий, социальное значение которых особенно возросло, начиная с екатерининского правления. (4) Петр активно использовал искусство в целях просвещения своих подданных. Хотя уже его отец, царь Алексей Михайлович, и сводная сестра Софья Алексеевна были любителями театральных действ, театр XVII века все же не переходил рамок чистой развлекательности и имел своей аудиторией царскую семью и их приближенных. Петр же превращает театр в средство пропаганды и просвещения широкой общественности⁴⁴. Театр сам по себе был феноменом переводным и начинал с переведенных западных пьес, хотя позднее в репертуаре и стали

41. Соловьев С. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984 [1872]. С. 100 сл.

42. Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль: Типография Г. В. Фалька, 1874.

43. Шамин С. М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 310.

44. Brown W. E. A History of 18th Century Russian Literature. Ann Arbor: Ardis, 1980. P. 25, 28.

появляться оригинальные постановки⁴⁵. С годами театр приобрел все большую и большую популярность, к его популяризации, как известно, приложила руку и Екатерина II, оценившая образовательный потенциал театральной сцены.

Дискурс учения — это основа, на которой разворачивались переводные процессы в целом ряде конкретных подсистем. Например, в сфере языка вводится новый, гражданский, шрифт, адаптировавший и приближавший славянское письмо к латинским печатным шрифтам⁴⁶. По образному выражению Ломоносова, не только бояре и их жены облачились в более легкие одежды, но и буквы сбросили свои шубы и надели летние платья⁴⁷. Передача иностранных имен и реалий предпочтительна теперь в своем латинском написании, а не греческом, как раньше. Антон Барсов, автор русской грамматики, составленной в 1783–1788 годах, аргументирует эти изменения тем, что теперь в светских книгах Россия ориентируется на языки (западно) европейские⁴⁸. Еще раньше Прокопович не советовал использовать греческие слова и конструкции, поскольку греческий не принадлежит к славянским языкам и потому не согласуется с грамматической природой последних⁴⁹. Произшедшие языковые инновации затронули графику, орфографию, грамматику и лексику. Изменения — прежде всего под влиянием перевода — происходили и на других языковых ярусах⁵⁰.

3.1.3. Манна европеизации

Как уже было сказано, достижения западноевропейских стран призваны были служить образцами для их воссоздания и вос-

45. Гуковский Г. Русская литература XVIII века. М.: Учпедгиз, 1939. С. 25–33.

46. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Общественная польза, 1862. Т. II. С. 644 (Unveraenderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe 1862 nach dem Exemplar der Universitaetsbibliothek. Leipzig: Zentralantiquariat der DDR, 1972); Луннов С. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. С. 60; *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. P. 265.

47. Цит. по: Глухов А. Русь книжная. М.: Советская Россия, 1979. С. 206.

48. Барсов А. А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981 [1783–1788]. С. 523.

49. Кутина Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века / Под ред. Ю. Сорокина. Л.: Наука, 1988. С. 44.

50. *Huettl-Worth G.* Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert, Wien: Verlag Adolf Hozhausens Nfg., 1956. S. 25; *Биржакова Е., Воинова Л., Кутина Л.* Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972; *Tyulenev S.* The Role of Translation in the Westernization of Russia in the Eighteenth Century. Ottawa: School of Translation and Interpretation, University of Ottawa, Ph. D. thesis, 2009. P. 111–117.

производства на отечественной почве. Образец, или пример, можно рассматривать как явление, которое уже существует, однако, не принадлежит тому, кто желает им воспользоваться, это *чужое* настоящее, которому соответствует *свое* будущее (я сделаю так, как уже делает другой). Таково соотношение образца пионеров западноевропейской модернизации и результата их перенятия петровской Россией как последовательницей. Цель модернизации сводилась к тому, чтобы превратить чужое настоящее в свое, достичь образца, сделать будущее настоящим.

Любопытную и очень важную роль в этом процессе играет перевод. Он размывает границы между настоящим и будущим посредством превращения чужого в свое. Будущее, то есть модернизированная Россия, еще не существовало, но Петр и его идеологи провозгласили его *in verbo*. Будущее для них прочно ассоциировалось с западноевропейским образом жизни. Перевод, переносивший явления окружающего систему мира в самое систему, стирал разделявшие их границы. В случае с вербальными текстами он создавал иллюзию того, что переведенный текст существовал на русском языке, поскольку становился частью корпуса русской словесности. Таким образом, чужое, которое в данном случае было частью искомой модернизации, становилось своим, то есть фактом российской действительности. То, чего Россия смогла достичь лишь в будущем, словесно она получала уже сейчас; чужое «сейчас, но там», которое было своим «здесь, но потом», превращалось в свое «здесь и сейчас». Таким образом, осуществлялась очень интересная, с мощным идеологическим потенциалом метаморфоза чужого настоящего в свое как бы в обход своего будущего. В переводе будущее модернизированной (=европеизированной) России, которое соответствовало западноевропейскому настоящему, становилось российским настоящим. Будто по мановению волшебной палочки, немодернизированное настоящее превращалось в мессиански предрекаемое будущее. Перевод играл ключевую роль в этой метаморфозе, поскольку именно он снабжал россиян, движущихся в «пустыне» настоящего к земле обетованной — европеизации, манной переводимых явлений западноевропейской культуры. Перевод позволял заглянуть за горизонт, в свое будущее, показывая чужое настоящее. Идеологически мощным такое влияние оказывалось потому, что, как манна изменяла внутренний состав вышедших из Египта израильтян, насыщая их божественной пищей и подготавливая к жизни в земле обетованной, так перевод давал россиянам вкус проповедуемой новой, модернизированной по европейскому образцу жизни и готовил их к ней.

3.2.1. *Россия и россика*

Хотя говорить об изоляции допетровской Руси от Запада было бы неверно, все же распаханность России к миру при Петре и после него несопоставима ни с каким из предыдущих периодов ее истории. Некоторые из первых западноевропейских путешественников, например, Б. Тудела и Дж. ди Плано Карпини, еще путали Россию с Богемией и Татарией⁵¹. Но начиная с XV века, в частности, благодаря участию в упоминавшемся выше Ферраро-Флорентийском соборе, Русь постепенно начинает выходить на европейскую политическую арену или, в терминах лумановской ТСС, система начинала активнее взаимодействовать с окружающим ее миром. И все же это взаимодействие не шло ни в какое сравнение с тем, что мы наблюдаем в XVIII веке.

В допетровский период в Европе появляются первые публикации о России, начинает складываться так называемая россика — корпус циркулировавших на Западе текстов о России. Вплоть до петровских времен этот корпус складывался из попадавших в печать впечатлений иностранцев о России, непосредственных впечатлений или рассказов с чужих слов. Системе не всегда удовлетворяло то, как окружающий мир представлял ее в этих публикациях. Ее реакция, однако, сводилась лишь к угрозам прекратить сношения с «обидчиками». Так, посетивший Россию в 1588 году посланник королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу д-р Дж. Флетчер в 1591 году опубликовал неллицеприятный трактат о правительстве и нравах русских «*Of the Russe Commonwealth*». «Русская компания», английское торговое представительство в России, потребовала изъятия книги из продажи, опасаясь того, что издание повредит торговым сношениям двух стран. Хотя книга все же поступила в продажу, все критические пассажи, которые могли бы обидеть Россию, были из нее изъяты. Система грозила пресекать критику самым решительным образом.

Такое положение дел радикально изменилось при Петре. Россия стала не только переводить, чтобы измениться внутренне. Будучи заинтересованной в повышении своего престижа в Европе, частью политико-социальной жизни которой она стремилась стать, Россия стала переводить на иностранные языки информацию о себе или заказывать переводы. В XVIII веке объем

51. *Mohrenschildt D. von. Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France.* NY, Morningside Heights: Columbia University Press, 1936. P.167–169.

россики не просто увеличивается — изменяется ее состав: теперь важной ее частью становится литература о России, производимая или заказываемая самой Россией.

Так, после победы под Полтавой (1709 год) Петру был устроен триумфальный прием в Киеве. Феофан Прокопович произнес хвалебную речь, и речь эта так понравилась Петру, что он приказал напечатать ее по-русски и по-латински. Очевидно, что русский оригинал был адресован российской аудитории, в то время как латинский перевод был предназначен для западноевропейских политических кругов. Новости о других победах Петра также переводились и распространялись в Европе. В круг обязанностей российских послов входила публикация или заказ публикаций о России. То же будет происходить и в постпетровское время. К приезду генерала графа Орлова в Неаполь в газету *Notizie del mondo* было отправлено письмо с текстом для публикации⁵².

3.2.2. «Слово за слово»

В середине XVIII века объем россики возрастает еще больше, что объясняется более активным участием России в политических делах Европы (прежде всего, конечно, в результате победы над Швецией). Тематами публикаций служили петровские победы и реформы, личность самого императора, государственные перевороты после его смерти, Екатерина Великая, ее внутренняя и внешняя политика⁵³.

Понятно, русский престол был заинтересован в появлении позитивных публикаций о «славной» России и не скупился на поощрения. Екатерина щедро наградила неаполитанца Д. Диодати за трактат, представлявший Россию освободительницей Греции от турецкого ига и гарантом ее возрождения. Неаполитанцу была пожалована золотая медаль и роскошное издание плана реформирования российских законов с параллельными текстами на русском, латинском, французском и немецком языках. А Санкт-Петербургская академия наук наградила другого панегириста Ф. Пагано за его хвалебную речь о графе Орлове⁵⁴.

52. Вентури Ф. Неаполитанские литературные отклики на русско-турецкую войну (1768–1774 годы)// Русская литература XVIII века и ее международные связи/Под ред. И. Серман. Л.: Наука, 1975. С. 121–122.

53. Сомов В. Французская россика эпохи Просвещения и русский читатель// Французская книга в России XVIII в.: очерки истории/Под ред. С. Луппова. Л.: Наука, 1986. С. 228–245.

54. Вентури Ф. Указ. соч. С. 121–122.

Таким образом, Российское правительство четко осознавало благотворное влияние положительных публикаций авторитетнейших иностранных авторов на общественное мнение в Европе. Одним из таких авторов был Дидро. Он участвовал в переводе книги о российской системе просвещения, написанной И. Бецким. Вольтеру русский двор заказал историю Российской империи при Петре Великом и целый ряд памфлетов в поддержку российской внешней политики. Сам Вольтер иронически называл себя и других европейских корреспондентов Екатерины светскими миссионерами, проповедующими культ Святой Екатерины. Очень важную роль играл в свою очередь перевод этих публикаций на русский.

Екатерининский «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения» (1767 год) был несколько раз опубликован во французском переводе. Эти переводы существенно повышали престиж русской императрицы как одного из просвещенных европейских монархов. Но не всегда перевод сводился к прямой передаче некоего целого оригинала на тот или иной иностранный язык. Иногда потенциальному автору предоставлялись переведенные материалы, которые затем использовались для написания статьи или книги. Так, в 1757 году М. В. Ломоносову было поручено собрать материалы для истории Вольтера о петровской России. Ломоносов подготовил выписки из различных источников, которые были переведены на французский и отправлены Вольтеру⁵⁵.

Хотя не все публикации о России приходились российским властям по вкусу, петровская Россия не прибегала к прежним радикальным и грубым мерам, а действовала по отношению к критическим или клеветническим материалам более изощренно. Примечательно, что иногда в числе неугодных публикаций оказывались даже заказанные системой труды. Например, П. Левек опубликовал «Историю России» в 1782 году, а Н. Леклерк опубликовал в 1783–1794 годах «Физическую, моральную, гражданскую и политическую историю древней и современной России». Оба труда были заказаны российским правительством, но результат не удовлетворил коронованную заказчицу: Екатерина сурово раскритиковала обе публикации. Однако теперь система не мстила неугодным авторам по принципу «глаз за глаз», а парировала слово словом. Например, до книг Левека и Леклерка, в 1761 году, также по-французски вышла книга Ш. д'Отроша «Путешествие в Сибирь». Система в лице Екатерины выступила с критикой представленного в книге изображения стра-

55. Менишуткин Б. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 218.

ны. В 1771–1772 годах в Амстердаме была издана книга «Антидот, или Разбор негодной книги „Путешествие в Сибирь“, изданной в 1761 году» (*Antidote, ou examen du Mauvais livre intitulé: Voyage en Sibérie fait en 1761*). Анонимным автором антидота была сама Екатерина. Прежде всего, она выразила несогласие с определением государственного правления в России как отсталого и деспотического. В качестве контраргумента она указала на собственные законодательные инициативы. Достижения Ломоносова и Сумарокова на литературном поприще были выдвинуты в опровержение описания д’Отрошем русских как грубых, безнравственных и нецивилизованных. Ответ императрицы был предельно подробным, она не упустила ничего, в чем, с ее точки зрения, автор погрешил против истины. В 1780-х годах Екатерина поручила И. Болтину написать ответ-антидот на книгу Леклерка («Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка», 1788). Болтин критиковал Леклерка за допущенные фактические ошибки и за устаревший взгляд на деспотовскую Россию.

Создание антидотов представляет собой скрытый и экстравербальный перевод. Представитель системы, выступавший в роли автора антидота, не имел текста-оригинала. Он или она переводил(а) свои взгляды, свое видение системы на другой язык и в таком виде предъявлял(а) их окружающему миру. Сам автор выступал(а) в роли посредника-переводчика между системой и своим ее видением, с одной стороны, и внешним миром, с другой.

3.3. ПЕРЕВОД РАДИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Итак, мы увидели, что перевод как пограничная подсистема помогает проникновению в систему новых элементов из окружающего мира и проекции сведений о себе в окружающий мир. Но этим взаимодействие системы с окружающим миром, в котором активное участие принимает перевод, не ограничивается. Перевод помогал России интегрироваться в начавшую складываться глобальную — в XVII–XVIII веках, правда, ограничивавшуюся лишь европейскими государствами — мегасистему, объединяющим фактором которой являлась функционально-системная структура.

Согласно Луману, функциональная структура социальных систем ведет к тому, что границы отдельных (под)систем перерастают государственные территориальные границы. Наука или экономика функционируют на сверхнациональном уровне. Границы функциональных (под)систем определяются исключительно типом их операционного поведения: наука функциони-

рует везде одинаково⁵⁶. В наше время, утверждает Луман, следует говорить не о «современных обществах», а об одном современном обществе, об одной «глобальной системе», структурно организованной по функционально-системному принципу, когда все социальные функции распределяются между соответствующими функциональными подсистемами, кроме, пожалуй, политической подсистемы, которая все еще сохраняет государственно-территориальные границы как границы своей функционально-операционной организации⁵⁷.

Зарождение глобальной системы Луман относит к средневековой Европе. Россия в полной мере интегрируется в эту систему к XVIII веку, когда бесповоротно вступает на путь модернизации-европеизации, а ее внутренняя функциональная структура в лумановском смысле осложняется. Мы пронаблюдали за этим процессом на примере социально-системной эмансипации перевода, его превращения в полноценную функциональную (под)систему. Перевод был нужен системе как структура, которая позволяла системе внутренне эволюционировать. Эволюция осуществлялась по европейскому образцу, то есть в направлении превращения общества, стратифицированного преимущественно по сословному признаку, в общество функциональных подсистем. Эти подсистемы, опять-таки с помощью перевода, структурировались по западноевропейскому образцу (конечно, не без вариаций). Наука начинала функционировать по образцу Западной Европы. Это, в свою очередь, делало научное общение внутри России частью общеевропейского научного общения; в терминах ТСС, российская наука вливалась в социально-функциональную подсистему науки Европы.

Рассмотрим подробнее, как перевод способствовал интеграции российской науки в общеевропейскую функциональную подсистему науки. Вряд ли требует объяснения, насколько ключевой была роль перевода в Санкт-Петербургской академии наук в начальный период ее существования, учитывая, что все ее члены были иностранцами. Ясное подтверждение насущной

56. Речь не идет об административной организации научных учреждений, степени свободы ученых от политических, экономических и юридических институтов. Под функционированием науки как социальной (под)системы понимается в данном случае исключительно ее внутренняя функционально-операционная организация, т. е. то, как наука отличает себя от других социальных (под)систем. Например, везде в современном обществе наука процессирует информацию согласно основополагающему бинарному коду «истинно/ложно» на основе логически выстраиваемых фальсифицируемых доказательств, в отличие, скажем, от юриспруденции, которая функционирует согласно принципу «законно/противозаконно».

57. Luhmann N. Essays on Self-Reference. NY: Columbia University Press, 1990. P. 178.

потребности в переводе при общении профессуры и студентов мы уже усматривали в том обстоятельстве, что при каждом академике состоял адъюнкт, выступавший в роли переводчика. Кроме того, академики рекомендовали некоторые западноевропейские публикации для перевода на русский язык⁵⁸. В этих случаях перевод скорее способствовал становлению науки внутри системы. Другое дело, когда работы академиков, иногда в обход русской аудитории, нацеливались на внешний по отношению к системе мир. В этом случае целевая аудитория явно находилась вне системы, а российская наука становилась частью общеевропейской. Приведем примеры.

Работы академиков переводились: «Академики сочинять должны в своей науке книги, которые бы в славу и пользу России могли на Российской язык переведены быть и напечатаны»⁵⁹. Печатались работы академиков в специальном периодическом издании, в котором проводилась четкая языковая политика: «Как все изобретения, так и журнал, и все, что в собрании Академиками отправляться имеет, должно писано быть на Латинском или Российском языке, а Французской и Немецкой никогда употреблен быть там не должен»⁶⁰. Это требование, впрочем, не выдерживается, и, например, «журнал», текст которого датирован 1778 годом, выходит с титульным листом по-латински, но с содержанием по-французски⁶¹. Ту же языковую комбинацию находим в собрании трудов академиков 1789 года издания⁶². В этих изданиях мы видим перевод между латинским и французским языками, что явно указывает на ориентацию издания на западноевропейскую ученую аудиторию. Перевод, таким образом, явно призван уведомить о достижениях российских академиков прежде всего ученых Западной Европы, то есть интегрировать российскую науку в общеевропейскую.

В рамках одной статьи невозможно охватить все сферы, в которых перевод вел себя так же, как в случае науки, поэтому ограничимся простым перечислением некоторых из этих областей, отсылая к примерам в специальной литературе.

Перевод способствует встраиванию российской экономической подсистемы в общеевропейскую. Заимствованный из Европы меркантилизм поставил российскую экономику на обще-

58. *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae...* P. 23.

59. *Ibidem*.

60. *Ibid.* P. 21–22.

61. *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Pro Anno MDCCLXXVIII. Pars Prior. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, MDCCLXXX.*

62. *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. V. Praecedit Historia eiusdem Academiae ad annum MDCCLXXXVII. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, MDCCLXXXIX.*

европейские рельсы⁶³. Приобщение российской подсистемы образования к общеевропейской в форме привнесения в Россию образовательной модели *humanitae* уже упоминалось. Русские литература и искусство также постепенно входят в круг эстетической подсистемы Европы. В XVIII веке этот процесс только начинается, достигая своего расцвета к XIX веку, но с самого начала европейские образцы в литературе и других видах искусства становятся мерилем ценности произведений российских литераторов, художников, архитекторов, театральных артистов и т. п.⁶⁴ В свою очередь западноевропейская часть подсистемы искусства стала проявлять встречный интерес к России. Уже упоминавшийся Леклерк сравнивал Сумарокова с Расином⁶⁵. Немецкий *Journal von Russland* осведомлял немецкого читателя о репертуаре русских театров и кратко описывал наиболее важные театральные пьесы и оперы, ставившиеся в Санкт-Петербурге⁶⁶. Можно привести множество других примеров взаимопроникновения эстетических подсистем России и Западной Европы, но и приведенных достаточно, чтобы проиллюстрировать процесс складывания общеевропейской единой подсистемы искусства. Перевод играл в этом процессе важнейшую роль. При этом зачастую переводить целые тексты было необязательно — иногда перевод был адаптирующим оригинал к другому виду словесности (как в вышеприведенном случае с театральными постановками). Перевод также отнюдь не ограничивался вербальным переносом (ср. перевод архитектурных образцов или образцов в музыке и живописи). Заимствование жанров в литературе также относится к невербальным видам переноса, который может быть отнесен к переводу в широком смысле этого слова.

В XVIII веке Россия входит в европейскую политическую пентархию, или в пятерку наиболее влиятельных держав европейской политической сцены того времени. Пентархия сложилась благодаря трем факторам: (1) появлению концепции «великих держав», отражавшей складывающееся неравенство в распре-

63. A History of Russian Economic Thought: Ninth through Eighteenth Centuries/Letiche J. (Ed.). Berkeley; LA: University of California Press, 1964. P. 285, 290, 395, 421–427; *Бобылев В.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: Изд-во УДН, 1990. С. 16–18.

64. Ср.: *Карамзин Н.* Сочинения: В 2 т. Л.: Художественная литература, 1984. Т. 2. С. 105, 110, 111; *Лотман Ю.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства XVIII–начала XIX века. СПб.: Искусство-СПб, 1994.

65. *Кросс Э. Г.* Английские отзывы об А. П. Сумарокове// XVIII век. Выпуск 19. СПб.: Наука, 1995. С. 66.

66. *Хексельшнайдер Э.* О первом немецком переводе «Недоросля» Фонвизина// XVIII век. Выпуск 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 334.

делении ролей на политической арене Европы и мира в целом; (2) развитию сети дипломатических учреждений; (3) росту влияния великих держав на судьбы мира⁶⁷. Образование пентархии имело положительные следствия для международных отношений, так как обеспечивало гарантию относительного мира и стабильности, что особенно проявилось в XIX веке. Эта система начала складываться уже в XVI веке с возвышением Испании и в следующем, XVII веке, с усилением Франции Бурбонов; в XVIII веке к ним присоединились Британия, Пруссия и Россия⁶⁸. Россия вошла в пентархию в 1760–1780-х годах, став доминирующей политической силой в северной и восточной частях Европы к 40-м годам XVIII века. Последовавший за победой Петра над Швецией подъем России и дальнейшие территориальные завоевания в Османской империи и Польше утвердили ее как великую державу. Но все же говорить об окончательном признании России как великой державы на европейской политической арене можно лишь применительно к екатерининской эпохе⁶⁹.

Какой же была роль перевода в процессе вхождения России в пентархию — наиболее активную часть политической функциональной (под)системы общеевропейской системы? Конечно же, никакие дипломатические сношения были бы просто невозможны без перевода. Но вербальное посредничество между российскими императорами и дипломатами с иностранными монархами и дипломатами — это очевидная и вряд ли требующая дополнительных пояснений область перевода. Колоссальным было также влияние невербального переноса, принятие Россией за образец политических структур и принципов работы институтов и государственно-административной машины европейских стран. Пожалуй, самый яркий и хорошо известный пример — это Российский Сенат, в 1711 году сменивший Боярскую думу и во многом организованный по шведскому образцу. Другой пример. «Акт поднесения государю царю Петру I титула императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества» от 22 октября 1721 года отсылает к существовавшим европейским образцам империй с императорами во главе: «Вашего Царского Величества славные и мужественные воинские и политические дела, чрез которые токмо единые Вашими неусыпными трудами руководством мы, Ваши верные поданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политических народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но и все-

67. Scott H. *The Birth of a Great Power System: 1740–1815*. Harlow: Pearson, 2006. P. 2.

68. Ibid. P. 362.

69. Ibid. P. 24–28, 147–148, 365.

му свету известно: и того ради как мы возможем, по слабости своей, довольно благодарных слов изобрести за то и за настоящее исходатайствование толь славнаго и полезнаго Государству Вашему с короною Свейскою вечнаго мира, яко плода трудов рук Ваших, по достоинству возблагодарити. <...> Во знак малого нашего признания толиких отеческих нам и всему нашему отечеству показанных благодеяний, титул Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссийскаго принять. Из которых, титул Императорский Вашего Величества, достохвальным Антецессорам от славнейшаго Императора Римскаго Максимилиана, от неколиких сот лет уже приложен, и ныне от многих Потентатов дается. <...> Имя же Отца Отечества мы, хотя и недостойны такого Великаго Отца, но по милости Божией нам дарованного, дерзаем Вам приложить по прикладу древних Греческих и Римских Сигклитов, которые своим, славными делами и милостию прославившимся, Монархам, оное прилагали»⁷⁰. Здесь мы видим четкую ориентацию политической терминологии на европейские «приклады». Обратим внимание, что выбор этот не случаен: Россия присовокупилась «во общество политиченых народов» Европы. (Нетривиальность этой ориентации становится яснее, если вспомнить совершенно иную ориентацию, на восточно-азиатские образцы, в именовании древнерусских князей каганами, как в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона: «Похвала кагану нашему Влодимеру».)

Итак, перевод западноевропейских образцов в политической и других функциональных (под)системах, а именно: в искусстве, образовании, экономике и науке, сделали социально-функциональное устройство России «совместимым» с социально-функциональной организацией Западной Европы своего времени. Перевод был ключевым условием интеграции России в целом и каждой из ее к тому времени сложившихся функциональных (под)систем в общеевропейскую функциональную глобальную систему. Благодаря переводу, ценность которого так прозорливо оценил Петр, интеграция стала возможной уже на раннем этапе того, что мы наблюдаем как общемировую глобализацию сегодня. Россия стала одним из первых последователей пионеров модернизации. Именно за счет перевода, оказавшись очень способным учеником, страна стала одной из самых влиятельных — великих — держав Европы и всего мира.

Учитывая все вышесказанное, попробуем ответить на вынесенный в заглавие перефразированный гамлетовский вопрос: что перевод системе и что система переводу? Складывающаяся

70. Законодательные акты Петра I. С. 167–168.

ся функциональная система, как мы увидели на примере России, способствовала эмансипации перевода как функциональной подсистемы в ряду «равно неравных» подсистем политики, юриспруденции, науки, образования, религии, искусства и т. д. В свою очередь, перевод, функция которого — обеспечение межсистемной коммуникации, помог системе эволюционировать в том направлении, в котором ее ориентировала политическая подсистема, в направлении модернизации-европеизации, а также помог системе, лишь немного по времени уступив пионерам модернизации, присоединиться к ним, а в их лице — к нарождающейся глобальной функциональной системе современного и нам мира.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Лумановская теория социальных систем помогает нам увидеть взаимоотношение системы и окружающего ее мира, а также ее подсистем и подсистем новой глобальной системы современного мира как бы с высоты птичьего полета. Хотя славистам и историкам России, безусловно, хорошо знакомо большинство из приведенных в настоящей статье примеров, оценка такого мощного средства европеизации страны, как перевод, его генезис в качестве самостоятельной социальной структуры (функциональной (под)системы), а также направления, или оси, и общая картина его функционирования ускользали от взгляда специалистов, озабоченных исключительно сбором фактов. Нежелание/неумение отступить на шаг и оценить складывающуюся из конкретных фактов общую картину, что позволяет сделать нам теория социальных систем, принципиально настроенная на синтез, ведет к подмене историзма археологизмом: факты накапливаются, а их синтез отодвигается до какой-то плюс бесконечности и для грядущих поколений исследователей, когда все факты предположительно будут собраны. Думается, молодое поколение славистов и историков окажется способным хотя бы начать преодолевать инерцию научного истеблишмента и видеть лес за деревьями. Надеемся, что предложенный взгляд вдохновит молодых исследователей на поиск новых путей и научных парадигм, которые смогут собрать воедино накопленный предшествующими поколениями богатейший фактический материал.